

Глава 2. Проводы второго брата

Солнце стояло уже высоко, и хотя семья Ли ещё не успела позавтракать, на лицах домочадцев сияла радость, не оставившая и следа от ночной усталости.

Соседи, услышав шум, один за другим заглядывали во двор разузнать новости. Услышав, что Ли Цинвэнь действительно пришёл в себя, они, скрывая изумление, спешили принести поздравления. В деревне поговаривали, что за десять с лишним лет труды семьи Ли не пропали даром — наконец-то тучи рассеялись и выглянуло солнце.

Госпожа Чэнь то и дело утирала слёзы. Ей было всё равно, сколько тягот пришлось перенести; пока сын был болен, её сердце не знало покоя, а теперь эта ноша наконец упала с её плеч.

Ли Цинвэню, когда он снова проснулся, пришлось предстать не только перед родными, но и перед всей деревней — от мала до велика. Комната была полна людей: кто-то пришёл навестить, кто-то — просто из любопытства, и десятки глаз бесцеремонно разглядывали его.

Мальчик, держась за край материнской одежды, послушно, словно попугай, повторял приветствия:

— Третий дядя... пятый дедушка... седьмая тётушка...

Прежний Ли Цинвэнь знал лишь простейшие звуки, и хотя теперь он понимал, как нужно обращаться к старшим, язык его ещё плохо слушался, а произношение было нечётким. Впрочем, это никого не смутило — по комнате то и дело прокатывались восторженные возгласы.

— Сынок, я твой третий дядя! Помнишь меня? Это ведь я тебя с дерева снимал, когда четвёртый брат решил твою храбрость проверить. Ты тогда на меня целую лужу напрудил!

— Сразу видно — глаза живые, смышлёные. Весь в отца пошёл, такой далеко пойдёт!

— Сынок, это я, твоя седьмая тётушка. Я ведь тебя принимала, когда ты на свет появился, помнишь ли?..

— Ой, помилуйте, кумушка! Мальчонка тогда и глаз-то ещё не открыл, как же он тебя запомнит!

Вся комната сюсюкала с Ли Цинвэнем, как с младенцем, а на смуглых лицах сияли добродушные улыбки. На него обрушился целый ворох лестных слов, и хотя за две жизни он успел повидать всякое, от такого внимания его бросало в краску, а спрятаться было решительно некуда.

Лишь когда родственники и гости разошлись, юноша смог наконец перевести дух. И в этот момент тишину нарушило громкое урчание в его животе. Госпожа Чэнь всплеснула руками и поспешила на кухню, чтобы раздобыть какой-нибудь еды.

Отец и мать ушли по делам, и в комнате остались только четверо братьев. Ли Цинфэн, младший из старших, не удержался и ущипнул Ли Цинвэня за щеку.

— Помнишь четвёртого брата?

Ли Цинвэнь кивнул и попытался убрать от лица его неугомонную ладонь.

— Братец, больно же.

— Раз чувствует боль, значит, точно не дурачок больше, — Ли Цинфэн остался крайне доволен проверкой.

— Малыш, проголодался? На-ка, подсласти рот... — Ли Цинчжо вложил в рот младшему серый кусочек величиной с ноготь.

Прежде чем Ли Цинвэнь успел понять вкус, четвёртый брат ахнул:

— Второй брат, ты где этот сахар стянул? У матушки в сундуке или на полке в пристройке?

— Что значит «стянул»?! — Ли Цинхун легонько хлопнул четвёртого по затылку. — Ты думаешь, второй брат такой же обжора, как и ты?

— Когда вечно недоедаешь, только о еде и думаешь, — беспечно фыркнул Ли Цинфэн.

Ли Цинчжо, погладив младшего по макушке, пояснил:

— У нас дома такого нет. Это мне дали, когда я с учителем к больному ходил. Четвёртый, не ворчи, в следующий раз и тебе оставлю.

Ли Цинфэну было уже четырнадцать — возраст, когда за еду обычно готовы на всё, но он понимал, как трудно семье, и покачал головой:

— Не нужно, второй брат, сам ешь. Скоро на горе ягоды поспеют, голодными не останемся.

Ли Цинхун промолчал, но он-то помнил, что второй брат в последний раз выезжал к больному месяц назад. Видно, всё это время он берёт лакомство для младшего.

Тем временем уголок твёрдого кусочка во рту начал таять, и Ли Цинвэнь ощутил сладость. Вкус был неярким, но очень знакомым. Он непроизвольно прошептал:

— Солодовый сахар.

Ли Цинчжо с восторгом посмотрел на него:

— Какой же ты умница!

Ли Цинвэню, который в прошлой жизни привык к похвалам за успехи в учёбе, стало немного неловко оттого, что его превозносят за умение распознать сладость.

В его прежнем мире еды было в избытке, а сладостей — великое множество. Такие вещи, как солодовый сахар, оставались лишь в воспоминаниях старшего поколения. Он узнал этот вкус только потому, что их соседи в старом доме занимались варкой сахара: у них всегда можно было найти и солодовые тянучки, и кунжутный сахар, и рисовые сладости, и узорчатые леденцы. Так как варка занимала много времени, в детстве он каждый день чувствовал этот густой, тёплый и сладкий аромат. Семьи были дружны, и Ли Цинвэнь частенько лакомился их угощениями.

Глядя в нетерпеливые, полные скрытой жажды глаза четвёртого брата, Ли Цинвэнь вынул изо рта ещё не растаявшую конфету.

— Братец, на, съешь ты.

Действие было почти неосознанным, и лишь произнеся это, юноша понял, как это выглядит — сахар ведь был весь в его слюне... Но Ли Цинфэн даже не поморщился. С сияющей улыбкой он подхватил кусочек и тут же отправил его себе в рот.

Братья застыли от изумления. Замер и сам Ли Цинвэнь.

— Четвёртый брат, если тебе так нравится, я по-том ещё сде-лаю...

Он говорил невнятно, и остальные не разобрали слов, но сам факт того, что он произнёс такую длинную фразу, привёл их в неопикуемый восторг. Прежде чем Ли Цинвэнь успел повторить, завтрак был готов. Матушка зычно позвала всех к столу, и братья, подталкивая младшего, поспешили во двор.

Вся семья уселась за деревянный стол. Перед каждым стояла миска со светло-красной сорговой кашей. У кого-то она была погуще, у кого-то — пожиже. В центре стола красовалась тарелка с пареными соленьями.

Семья Ли почти всегда так питалась, за исключением праздников или приезда гостей. В засушливые годы сорго заменяли просом, и тогда каша становилась совсем прозрачной. Сегодня Ли Цинвэню досталось больше всех: его миска была такого же размера, как у отца — знак особого отношения к его исцелению.

Зёрна гаоляна были грубыми, и из-за того, что шелуха счистилась не полностью, при глотании немного царапало горло. Эта культура была неприхотливой и давала обильные урожаи, поэтому в деревне Тополиной и во всём уезде Люшань крестьяне питались в основном ею.

Ли Цинвэнь ел с трудом, непривычный к такой грубой пище, и даже едва не поперхнулся; капля отвара стекла по подбородку. Не успел он опомниться, как сидящий рядом Ли Цинчжо привычным движением достал чистую тряпицу и вытер ему рот.

Ли Цинвэнь оторопел. Ему в общей сложности было уже больше тридцати лет, а ему всё ещё вытирали рот, как маленькому... Семья заботилась о нём так тринадцать лет, и это вошло у них в привычку настолько, что движения их были быстрее мысли.

— Спа... спасибо, второй брат, — тихо проговорил Ли Цинвэнь.

От этой простой благодарности за столом поднялся невообразимый шум — сынок-то и впрямь стал совсем разумным!

Свою порцию каши Ли Цинвэнь так и не осилил, разделив остатки между братьями.

Ли Цинчжо служил учеником в уездной аптеке и вернулся домой только из-за семейных дел. Убедившись, что с младшим всё в порядке, он не смел более задерживаться и сразу после завтрака собрался в обратный путь.

Пока котелок ещё не остыл, госпожа Чэнь испекла несколько сорговых лепешек и собрала узелок с соленьями для сына. Быть учеником нелегко; хоть учитель у Ли Цинчжо был человеком достойным, управляющий лавкой отличался скупостью и строгостью. Пайков для помощников и учеников вечно не хватало, и они часто ходили впроголодь, отчего у матери сжималось сердце.

Она скорее сама бы не доела, чем позволила сыну страдать на чужбине. Вне дома всегда тяжелее: в деревне хотя бы дикие травы есть — покрошишь их в кашу, вот живот и обманешь, а в городе без гроша в кармане и корки хлеба не найдёшь.

Когда Ли Цинчжо уже выходил со двора, вернулся Ли Маосянь, как раз закончивший разговор с кем-то из сельчан.

— Учись у мастера прилежно, — напутствовал он сына. — Будь послушным, работай больше, болтай меньше. Если что случится — дай весточку домой.

Каждый раз при расставании звучали одни и те же слова. Ли Цинчжо серьёзно кивнул и, взвалив на плечи корзину, попрощался с родителями.

Старшие братья решили проводить его до края деревни, и Ли Цинвэнь увязался за ними. Госпожа Чэнь хотела было возразить, но отец её остановил. Сын вырос, и если раньше его, неразумного, оберегали всем миром, то теперь, когда он пришёл в себя, нельзя было держать его под крылышком — пусть привыкает к миру.

Четверо братьев шли по деревенской улице. Прохожие здоровались с Ли Цинчжо, но взгляды их были прикованы к младшему. Мальчишка больше не нуждался в том, чтобы его вели за руку; он шёл уверенно и быстро, а Ли Цинчжо на ходу учил его правильно приветствовать старших.

«И впрямь поправился!» — шептались сельчане, не скрывая изумления, и тут же спешили поделиться новостью с соседями.

Миновав ряды глинобитных хижин, они вышли к полям. На юге раскинулись уголья: сорго, соя, чумиза и просо — стройные ряды колыхались под ветром, готовясь к жатве.

Они прошли около двух ли по просёлочной дороге, свернули к югу и остановились у глубокого оврага в два человеческих роста. Ли Цинчжо замер.

— На этом всё. Возвращайтесь поскорее, не играйте на дороге, чтобы отец с матерью не волновались.

Попрощавшись, братья повернули назад. Пройдя немного, Ли Цинвэнь оглянулся: одинокий силуэт второго брата почти скрылся за массивной корзиной. Словно почувствовав его взгляд, Ли Цинчжо вдруг обернулся и изо всех сил замахал им рукой.

Эта сцена внезапно отозвалась в памяти Ли Цинвэня щемящим чувством, и он, опустив голову, почувствовал, как к глазам подступают слёзы.

Деревня Тополиная стояла на северо-западе Великой Лян — в краю засушливом и суровом. Земли здесь были бедными, рек не было, как и заливных полей; жизнь целиком зависела от милости небес. Из десяти лет шесть бывали неурожайными, и даже в хорошие годы люди редко ели досыта, что уж говорить о временах засухи. И у взрослых, и у детей самым ярким воспоминанием был вечный, ноющий голод.

У семьи Ли было около дюжины му земли — немало по местным меркам, но в доме было много ртов, да ещё и несколько подрастающих сыновей с отменным аппетитом. Ежегодно после сбора урожая зерна не хватало, приходилось докупать. Если бы не трудолюбие и бережливость родителей, такая жизнь была бы невыносима.

Ли Маосянь был человеком дальновидным. Он понимал: если полагаться только на землю, в любой бедственный год семью ждёт катастрофа. Поэтому он охотно отдавал детей в учение. Ремесло в руках надёжнее плуга — оно не даст умереть с голоду, даже если земля перестанет родить.

Сам отец, когда его забирали на строительство столицы, обучился плотницкому делу. Именно благодаря этому мастерству в доме появлялись лишние деньги.

А из-за болезни госпожи Чэнь семья Ли свела знакомство с лекарем Люй из уездной аптеки «Зал Возвращения Весны». Лекарю приглянулся тихий и смыслённый Ли Цинчжо, и он взял его в ученики, за что все в доме Ли были ему безмерно благодарны.

Несмотря на странные обстоятельства своего появления здесь, Ли Цинвэнь был глубоко тронут заботой, которой его окружали. Ему тоже хотелось принести пользу этой семье.

«Нужно придумать способ заработать денег...»

Ли Цинвэнь всерьёз задумался над этим.

Но на обратном пути братья то и дело донимали его разговорами, заставляя упражнять речь и развязывать язык. Мысли подростка постоянно путались, и ему пришлось на время оставить свои планы.

Когда они вернулись, родители уже ушли в поле. Старшая невестка одной рукой удерживала шестилетнего племянника, чтобы тот не разорял курятник, а другой ловила трёхлетнего карапуза, собиравшегося попробовать на вкус землю.

Ли Цинфэн отвесил старшему племяннику лёгкий подзатыльник по заднице, чтобы тот приструнил свой нрав, и собрался на гору. Ли Цинвэнь, словно хвостик, последовал за братьями.

Поля гаоляна тянулись одно за другим — стройные стебли в человеческий рост венчали тяжёлые красные колосья. Ли Цинвэнь пришёл с братьями на их участок; родителей в густой зелени не было видно. Лишь по вырванной траве и свежим лункам братья безошибочно определили, какие межи нужно пропалывать.

Отыскав границы их надела, Ли Цинвэнь пристроился рядом с братьями, заняв три борозды, и принялся споро вырывать сорняки с корнем.

Ли Цинхун и Ли Цинфэн думали просто прогуляться с младшим, и когда увидели, что их сынок умело полет траву, пришли в неописуемый восторг.

Глядя на их сияющие лица, Ли Цинвэнь лишь вздохнул. Сорняк от гаоляна отличить несложно

— как можно было подумать, что он не справится? Он ведь не дурачок...

Ну, то есть раньше-то он был не в себе, но теперь всё изменилось.

<http://bllate.org/book/15828/1427888>